

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г.О. Бабкова

**«БЕЗГЛАСНЫЕ ГРАЖДАНЕ»:
МАЛОЛЕТНИЕ ПРЕСТУПНИКИ
В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ
1750–1760-х ГОДОВ**

Препринт WP19/2012/04

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2012

УДК 343.2/.7(09)

ББК 67.408

Б12

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

Б12 **Бабкова, Г. О.** «Безгласные граждане»: малолетние преступники в судебной системе России 1750–1760-х годов: препринт WP19/2012/04 [Текст]/Г. О. Бабкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 32 с. – 150 экз.

В 1760-е годы в Российской империи произошло значительное смягчение системы наказания для несовершеннолетних преступников. Изучение делопроизводственной документации ряда судебно-следственных и центральных учреждений России второй половины 1750 – начала 1760-х годов позволяет констатировать, что в указанный период отсутствовала как четкая возрастная граница наступления совершеннолетия, так и ясные законодательные принципы регулирования уголовной ответственности малолетних правонарушителей. В середине 1760-х годов впервые в русском праве была обозначена возрастная планка наступления полной уголовной ответственности (17 лет) и определена система санкций для несовершеннолетних преступников. Как представляется, изымая несовершеннолетних от общеуголовных санкций, государство через судебно-следственные органы «открывало» детство, внедряя в общественное сознание представление о нем как об особом, отличном от взрослого, периоде жизни.

УДК 343.2/.7(09)

ББК 67.408

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Бабкова Г. О., 2012

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

В российской историографии последних лет наблюдается значительный интерес к проблематике «истории детства», выделившейся, как известно, в качестве «новой междисциплинарной области исследования»¹ в 60-х годах XX в. В рамках данного направления предметом исследования становятся формы самоописания и восприятия детства в различные исторические периоды², детско-родительские отношения (а в более широком смысле – семья и родство)³, становление и развитие форм и ин-

¹ *Зарецкий Ю.П.* Детство в западноевропейских автобиографиях: от Средних веков к новому времени // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 2 (58). С. 220–231; *Kosheleva Ol'ga.* Children in Petrine St. Petersburg // *Eighteenth-century Russia: Society, culture, economy. Papers from the VII international conference of the Study group on 18th-century Russia* / ed. by R. Bartlett, G. Lehmann-Carli. Wittenberg, 2007. P. 393–402; *Кошелева О.Е.* Понятие возраста и взросления в исторических источниках // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2000. № 2. С. 4–30.

Выражаю глубокую признательность *Ольге Евгеньевне Кошелевой* за возможность ознакомиться с указанными материалами, а также за ее замечания по вопросу определения возраста в России XVIII в.

² Природа ребенка в зеркале автобиографии: учеб. пособ. по педагогической антропологии / под ред. Б.М. Бим-Бада, О.Е. Кошелевой. М., 1998; *Кошелева О.Е.* «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.): учеб. пособ. по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000; *Она же.* Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени // *Социальная история*. 1998/99. М., 1999. С. 177–202; *Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего нового времени (III–XVI вв.): учеб. пособ. по педагогической антропологии / сост. и ответ. ред. В.Г. Безрогов. М., 2001; Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве эпохи рационализма и Просвещения (XVII–XVIII вв.): учеб. пособ. по педагогической антропологии / сост. и ответ. ред. В.Г. Безрогов. М., 2001; *Зарецкий Ю.П.* Детство в ренессансной автобиографии // *Человек в культуре Возрождения*. М., 2001. С. 233–238; *Безрогов В.Г.* Воспоминания о детстве как источник по истории религиозной социализации в христианской культуре (XVII–XX вв.) // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2002. № 3. С. 93–125; *Александрова Н.В.* Дети и детство в восприятии российского дворянина (по материалам мемуаристики второй половины XVIII в.) // *Философская культура мышления*. Вып. 2. Челябинск, 2004. С. 199–210; *Долгов В.В.* Детство в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв.: отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 5. С. 72–85; *Бесчастная А.А.* Детство: история и современность. СПб., 2007.*

³ *Пушкарева Н.Л.* Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 6. С. 93–105; *Кошелева О.Е.* Благословляю чада свои: забота о детях по древнерусским духовным грамотам // *Вестник Университета Российской академии образования*. 1997. № 2. С. 108–140;

ституты социального дисциплинирования⁴, историко-педагогический процесс⁵ и т.д.

На этом фоне практически незатронутой остается проблема детской преступности в исторической перспективе с точки зрения как ее внутренней специфики (возрастные, социальные, гендерные и другие характеристики отдельных несовершеннолетних правонарушителей⁶ и преступных сообществ, виды и количество совершаемых ими деяний и т.д.), так и государственной политики и ее эволюции в указанном вопросе. Некоторые достижения в этой области были достигнуты в дореволюционных историко-юридических исследованиях, в фокус внимания которых детская преступность попала в 70-х годах XIX в. в связи с изучением последствий судебной реформы 1864 г⁷. Определенным этапом в исследовании данного направления стал выход в свет в 1912 г. под ре-

---

Кудрявцева Е.Б. Дети в семейной иерархии и воспитание русского дворянства в XVIII в. // *Образование в пространстве культуры*. Вып. 2. М., 2005. С. 109–117; *Четырина Н.А.* Материнство и детство в конце XVIII – начале XIX вв. По данным метрических книг Сергиевого посада // *Материнство и детство в России XVIII–XXI вв.* Вып. 2. М., 2006. С. 85–107; *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 79–90.

⁴ *Лавринович М.Б.* За фасадом российского Просвещения: питомцы Московского воспитательного дома о своей жизни // *Отечественные записки*. 2007. № 4. С. 265–283.

⁵ *Кошелева О.Е.* «История детства» как способ реконструкции и интерпретации историко-педагогического процесса в зарубежной историографии // *Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография* / под ред. Г.Б. Корнетова, В.Г. Безрогова. М., 1996; *Бим-Бад Б.М.* Изучение людей как воспитателей и воспитуемых // *Вестник университета российской академии образования*. 2002. № 3. С. 3–37; *Корнетов Г.Б.* Антропологический контекст интерпретации историко-педагогического подхода // Там же. С. 67–79.

⁶ Исключением в данной связи является предпринятое О.Е. Кошелевой исследование трех «казусов» с участием малолетних правонарушителей, которые разбирались в Санкт-Петербургском нижнем суде в 1721 г. См.: *Кошелева О.Е.* Фекла и Фемида. Одноактная пьеса в трех сценах, писанная подьячими Санкт-Петербургского Нижнего суда, с прибавлением двух прологов и эпилога // *Казус*. Вып. 5. М., 2003. С. 418–440.

⁷ *Богдановский А.* Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. СПб., 1871; *Дриль Д.А.* Явления ранней преступности и развращенности у детей и подростков, их ближайшие причины и общественное значение // *Юридический вестник*. 1892. Т. X. Кн. 3. С. 339–367; Кн. 4. С. 499–522; *Добрынин Н.П.* О влиянии юного возраста на преступную деятельность по данным русской уголовной статистики // *Журнал министерства юстиции*. Год четвертый. № 3. Март 1898. С. 113–153; *Тарновский Е.Н.* Преступность малолетних и несовершеннолетних в России // *Журнал министерства юстиции*. Год пятый. № 9. Ноябрь. 1899. С. 1–42; *Малинин Ф.* Причины детской преступности // *Тюремный вестник*. № 7. Сентябрь. 1904. С. 512–519; *Борткевич Я.П.* Детская преступность // *Тюремный вестник*. № 10. Декабрь. 1905. С. 878–888.

дакцией М.Н. Гернета большого коллективного труда «Дети-преступники», в основу которого легла детальная обработка данных о преступлениях, совершенных малолетними в Москве в 1908–1909 гг. Однако основной акцент в указанной работе был сделан на «социологической», а не «юридической» составляющей детской преступности. Для авторов сборника это означало установку на выяснение «условий жизни ребенка, толкнувших его на путь преступления» и, как следствие, на вывод о необходимости борьбы с противоправными деяниями малолетних через «изменение социального уклада общества». В результате (несмотря на наличие соответствующей главы) значительно меньшее внимание уделялось, во-первых, истории установления возрастных пределов несовершеннолетия, а во-вторых, эволюции государственной политики в отношении малолетних правонарушителей и выявлению особенностей положения детей преступников в пенитенциарной системе России XVIII – начала XX вв.⁸

Между тем анализ эволюции судебно-следственных процедур, а также форм, способов и характера пенитенциарного воздействия государства на малолетних преступников представляется перспективным в нескольких отношениях. Во-первых, он позволяет установить круг законодательных актов, на основании которых принимались решения о судебно-следственных мероприятиях в отношении несовершеннолетних и налагались наказания за правонарушения. Во-вторых, он дает возможность через изучение «образа действия» судебно-следственных органов и их собственных «интерпретаций казусов»⁹ понять особенности восприятия и отношения государственной системы к детству в целом.

Указанная проблематика имеет особую актуальность для XVIII в., который «впервые» под влиянием идей Просвещения «осознанно поднимает тему детства», полагая «задачу воспитания детей ... в новом гражданственном и просвещенном духе» одной из основных обязанностей государства¹⁰. Новые тенденции наблюдаются в это время и в области права. В «Начертаниях о приведении к окончанию Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», составленных лично Екатериной II и официально обнародованных 8 апреля 1768 г., рассуждая о «праве осо-

---

⁸ Дети-преступники / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 1, 5.

⁹ Черутти С. Скорый суд. Практика и идеалы правосудия в обществе старого порядка (Турин XVIII в.) // Неприкосновенный запас. 2005. № 4 (42) (<http://magazines.russ.ru:81/nz/2005/42/che2.html>).

¹⁰ Кошелева О.Е. «Свое детство»... С. 17, 24.

бенном», т.е. учрежденном в государстве «для пользы каждого лица», императрица настаивала на необходимости распространить «покровительство» закона и на оставшихся без родителей детей. Пребывающие «в слабом состоянии», в котором «каждый может их обижать», «безгласные граждане» должны были включаться, таким образом, в круг законодательно защищаемых субъектов права. Во второй половине XVIII в. кардинальной трансформации подвергается и законодательство в отношении малолетних преступников, изъятие которых из общеуголовных санкций за совершение тяжких деяний произошло в соответствии с Сенатским указом от 26 июня 1765 г.¹¹

В данной связи значительный интерес представляет комплекс делопроизводственной документации, сложившийся в результате переписки между Сенатом и Экспедицией о колодниках при канцелярии Сената, с одной стороны, и местными судебными органами, с другой. Поводом для переписки стал сенатский указ, датируемый в 1-м собрании ПСЗРИ по дню его публикации 31 марта 1763 г.

Указ стал следствием обсуждения проблемы малолетних преступников в Сенате 28 февраля 1763 г., как было сказано «по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА». В результате всем судебным местам был направлен запрос с требованием в течение недели прислать в Экспедицию о колодниках «обстоятельные» ведомости о содержащихся у них малолетних, которые «оказываются в смертных убийствах и в других тягчайших винах»¹², с указанием того, «ис каких они чинов» и какого возраста. Подобной практике предписывалось следовать «и впредь»¹³.

Несмотря на упоминание в преамбуле сенатского постановления «указа ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА»¹⁴, анализ формуляров протоколов заседаний Сената за 1763 г. позволяет утверждать, что в данном случае отсутствовало какое-либо устное или письменное постановление

---

¹¹ ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XVII. № 12424.

¹² Там же. Т. XVI. № 11782.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 1.

¹⁴ Это, однако, не означает, что Екатерина II не проявляла интереса к проблеме малолетних преступников. Об этом свидетельствует одна из ее недатированных записок, в которой она полагала возможным «смягчать жестокость наказаний... устанавливая исключение для стариков, детей и единственных сыновей» (Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II / Изд. А.С. Суворина. СПб., 1907. С. 666–667). Характерно также и то, что проблемы детской преступности обсуждались в Сенате параллельно с созданием Московского воспитательного дома, открытого в соответствии с указом от 1 октября 1763 г. (ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XVI. № 11908).

императрицы. Обсуждение того или иного вопроса в Сенате по непосредственному приказанию Екатерины II обязательно фиксировалось через упоминание либо лица, через которое было передано устное повеление императрицы, либо ее собственной резолюции «в высочайшее ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА пристудствие в Правительствующем Сенате», либо «подписания» на указе «собственной ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА руки»¹⁵. Во всех остальных случаях формуляр начинался с общей «шапки» – «по указу ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Правительствующий Сенат» слушал, и далее излагалась суть дела¹⁶.

Столь пристальное внимание Сената к несовершеннолетним подозреваемым, как представляется, было связано с общим стремлением правительства Екатерины II максимально оптимизировать и ускорить рассмотрение дел в судебно-следственных органах России. Как известно, 10 февраля 1763 г. состоялся именной («за подписанием собственной ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА руки») указ, который устанавливал четкий срок (1 месяц) и алгоритм проведения следствия, в процессе реализации которого судьи должны были стараться избегать «напрасного кровопролития», используя в качестве основных следственных методов допросы, увещания через священников, очные ставки, повальный обыск и только в крайних случаях – пристрастные расспросы и однократную пытку¹⁷.

12 февраля 1763 г. в исполнение этого именного указа Сенат предписал присылать в Экспедицию о колодниках из Москвы еженедельные, а из губерний, провинций и городов ежемесячные ведомости о содержащихся колодниках, темпах решения и решенных делах¹⁸. 6 марта 1763 г. Екатерина II, присутствуя на заседании Сената, еще раз настоятельно подчеркнула необходимость исполнения вышеназванных указов, отмечая, что ей «известно, что в судебных местах дела о колодниках весьма долговременно без решения остаются»¹⁹.

Ситуация с рассмотрением дел, в которых были замешаны малолетние, прямо противоречила намерению власти «о скорейшем» и в «указ-

---

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 3494. Л.26, 114 и т.д.

¹⁶ Там же. Л.11, 16, 34, 51 и т.д.; Д. 4918. Л. 29, 193, 440, 449, 1028, 1097.

¹⁷ Там же. Д. 3494. Л. 26; ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XVI. № 11750.

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 3494. Л. 51–51об.; ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XVI. № 11752.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 3495. Л. 32.

ные сроки» о «колодниках решения»²⁰. В печатном варианте указа от 28 февраля 1763 г., который появился 31 марта того же года, Сенат мотивировал необходимость «иметь рассуждение о малолетних» тем фактом, что они «содержатся в разных местах *до указа* (курсив мой. – Г. Б.) под караулом». Данное утверждение – об отсутствии указа – идет вразрез с мнением, устоявшимся как в дореволюционной, так и в современной историографии. Принято считать, что законодательство в отношении малолетних правонарушителей было модифицировано сенатскими указами от 23 августа 1742 г. и 18 июля 1744 г. Как известно, они состоялись по делу обвинявшейся в убийстве 14-летней Прасковьи Федоровой и устанавливали сначала 17, а затем 12 лет как возраст совершеннолетия и изымали несовершеннолетних преступников от смертной казни и наказания кнутом, заменяя ее плетью и ссылкой в монастырь на различные сроки в зависимости от тяжести содеянного²¹.

Однако, как явствует из обсуждения проблемы законодательного регулирования ответственности малолетних преступников в Сенате в 1763–1765 гг., ни один из упоминавшихся сенатских указов в действительности не имел законной силы, поскольку, будучи представлены Елизавете Петровне в виде сенатских докладов, они так и не были подтверждены последней, хотя передавались на ее рассмотрение четырежды – в 1742, 1744, 1746 и 1750 гг.²² Следовательно, вышеназванные «мнения» не оказывали никакого влияния на судопроизводственную практику судебно-

---

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 3495. Л. 33.

²¹ ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XI. № 8601; Т. XII. № 8996.

²² Мнения Сената 1742 и 1744 гг. касались дела 14-летней Прасковьи Федоровой, которая обвинялась в убийстве «двух крестьянских девок». Причина, вынудившая Сенат обсуждать в полном составе дело Федоровой 17, 23 и 29 декабря 1741 г. и 30 июля 1742 г., состояла в том, что в «Уложении и в указах» не было «точно изображено... до которых лет малолетние, явившиеся в таких важных винах от пытки и от смертной казни увольняются». Поэтому, ссылаясь на указ от 17 апреля 1722 г., в силу которого в случае невозможности решить то или иное дело по существующим законам, Сенат наделялся правом «мыслить и толковать под присягою», он предложил Елизавете Петровне «мнение», которое и обсуждалось в ее присутствии 15 октября 1742 г. Императрица постановила «отослать к рассуждению в Святейший Синод». Совместно Сенат, коллегии и Синод обсуждали дело П. Федоровой и составили доклад на имя Елизаветы с просьбой «указа» 13 апреля 1744 г. Указанные мнения были представлены на рассмотрение Елизаветы еще раз дважды в 1746 и январе 1750 г., однако «конфирмации не последовало». Пока дело Прасковьи Федоровой рассматривалось в инстанциях различного уровня, она умерла. 26 июля 1748 г. Берг-коллегия сообщила в Сенат, что указ по делу Прасковьи Федоровой не был получен «и поныне», а она между тем умерла 10 апреля того же года после продолжительной болезни, которой «одержима... была немалое время» (ПСЗРИ.

следственных органов России XVIII в. ни с точки зрения определения возраста совершеннолетия, ни в вопросе выбора процессуальных мер и вынесения приговора.

Это подтверждает и анализ делопроизводственной переписки Сысского приказа, а затем и образованной на его месте именованным указом от 15 декабря 1763 г. Московской Розыскной экспедиции²³, Казанской, Санкт-Петербургской и Белгородской губернских и Волоколамской воеводской канцелярий, а также «Переславской провинциальной канцелярии Рязанского» и Экспедиции о колодниках и Сената по поводу указа о малолетних преступниках от 28 февраля 1763 г.

Из Экспедиции о колодниках указ был разослан в «коллегии, канцелярии, конторы, губернии, провинции» 1 апреля 1763 г.²⁴ Сысской приказ направил в Экспедицию о колодниках составленную по хронологическому принципу ведомость о «осмнатцети» содержащихся там малолетних подсудимых 17 апреля 1763 г. (получена 29 апреля 1763 г.). 6 мая того же года при рапорте из Экспедиции о колодниках ведомость была передана в Сенат²⁵, который «слушал» ее 16 мая и принял постановление о явной недостаточности полученных сведений для вынесения окончательного решения по делам о малолетних – «за кратостию точного решения учинить не можно»²⁶. В связи с этим Сысскому приказу указом от 29 мая 1763 г. надлежало уже не просто составить «обстоятельные» описания дел о несовершеннолетних, но прислать «экстракты» о каждом из них «порознь», сопроводив их собственным «рассмотрением»²⁷. Неудовлетворительность продолжавших поступать с мест сведений²⁸ заставила Сенат вынести выговор ряду мест и 9 октября 1763 г. направить во все воеводские, провинциальные и губернские канцелярии новый указ, который регулировал характер информации, обязательной к присылке в Экспедицию о колодниках. Во-первых, необходимо было представлять

1-е собр. Т. XI. № 8601; Т. XII. № 8996; РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 987–1028, 1034, 1080–1081).

²³ ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XVI. № 11989.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 3469. Л. 44–47 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 89–98 об.

²⁶ Там же. Л. 99–99 об.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ «...во оных местах дела о малолетних следствием окончены, а какому наказанию оные малолетние по делам их последуют, о том не объявлено... там же малолетним леты прописывают, коликих лет и кто из них в то время был как виновным оказался и в содержание вступил... ис чего бывает сумнительство и остановка» (Там же. Л. 306, 440–440 об.).

о каждом малолетнем отдельно «со мнением тех мест». Во-вторых, в экстрактах надо было «прописывать» возраст несовершеннолетних («в то время, как винны оказались и в содержание вступили»). В-третьих, данные о малолетних должны были сообщаться, «отличая... от прочих содержащихся колодников». Наконец, в-четвертых, Сенат еще раз подчеркивал, что подобной практике надлежало следовать «и впредь», фактически становясь судом первой инстанции по делам о детях преступниках²⁹. В Московскую Розыскную экспедицию дубликат указа был направлен 12 января 1764 г. Она, в свою очередь, не только рапортовала о его исполнении, но и 31 марта 1764 г. отправила в Сенат перечень из 17 дел, по которым велось следствие и в которых были замешаны малолетние подозреваемые. Его сопровождал подробный экстракт из каждого дела³⁰.

В течение апреля – июня того же года Казанская, Санкт-Петербургская и Белгородская губернские, Переславская провинциальная и Волоколамская воеводская канцелярии во исполнение указа от 28 февраля 1763 г. передали в Экспедицию о колодниках ведомости о 5 малолетних преступниках³¹.

Ведомости, присланные в Экспедицию о колодниках из вышеуказанных судебно-следственных органов в 1763–1764 гг., а также материалы обсуждения указа от 26 июня 1765 г. в Сенате содержат информацию о 34 несовершеннолетних колодниках в возрасте от 7 до 19 лет³².

---

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 197, 440–440 об.

³⁰ Там же. Л. 108–109, 449–449 об., 476.

³¹ В Казани указ от 28 февраля 1763 г. был получен 23 мая, ведомость отправлена 5 июня, вторичная 3 июля того же года (Там же. Л. 289–289 об.). В Переславской провинциальной канцелярии указ получили 30 апреля 1763 г. (Там же. Л. 324). Белгородская губернская канцелярия направила ведомость 8 мая, Санкт-Петербургская – 17 мая, Волоколамская воеводская канцелярия – 5 мая 1763 г. (Там же. Л. 295, 298, 315).

³² Указанные лица обвинялись в совершении в сумме:

- 6 убийств (И. Попов, В. Сафонов, Ф. Пучков, Я. Муратов, Н. Алексеев, И. Петров, И. Иванов, Г. Виноградов, И. Бахирев, Ф. Федоров);
- 4 побегов и краж (В. Бессонов, С. Лукьянов, Д. Петров, И. Авдеев);
- 11 краж (М. Кордюков, И. Лукьянов, И. Яковлев, Я. Гречев, Г. Пузииков, Д. Соловьев, Н. Малеванов, М. Кочетов, А. Баранов, Е. Задорин, Н. Захаров);
- 6 поджогов (А. Андреева, А. Степанова, Ф. Антипова, А. Емельянова, И. Григорьев, А. Мальцев);
- 1 разбоя (Т. Соколов),
- 1 составления подложных документов (Д. Никифоров);
- 1 «пристанодержательства» (П. Егоров).

Практика разбирательства дел, в которых главными субъектами преступлениями или сообщниками выступали несовершеннолетние преступники, позволяет утверждать, что основным законодательным актом, регулировавшим правила проведения следствия в отношении малолетних, особенно в вопросе применения пытки, был 10-й пункт 6-й главы «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» 1712 г.³³ В отдельных случаях на его основе выносился приговор. В соответствии с вышеуказанным пунктом, как его приводила в своих мнениях Московская Розыскная экспедиция, «последующие от пытки изъяты яко суть шляхта, служители высоких чинов, старые семидесяти лет, недоросли и беременные жены, все сии никогда к пытке подвержены не бывают, разве в государственных делах и убийствах»³⁴.

Прямая ссылка на 10-й пункт 6-й главы «Воинских процессов» содержится в 12 ведомостях, переданных в Экспедицию о колодниках из рассматриваемых судебно-следственных органов³⁵. Можно предположить, что данный пункт подразумевался также в деле Ивана Григорьева, который «за малолетством (курсив мой. – Г. Б.)» опрошан в застенке под битьем плетью»³⁶.

В 10 из 13 случаев ссылка на 10-й пункт 6-й главы «Краткого изображения процессов...» выступала в качестве основания о неприменении в отношении несовершеннолетних подозреваемых пытки, от которой они изымались даже тогда, когда, по мнению судебно-следственных органов, малолетнего подозреваемого «надлежало» пытать и об этом принималось соответствующее решение. Так, от пытки «за малолетством» был изъят обвинявшийся в убийстве семнадцатилетний Иван Петров, в то время как взрослые соучастники преступления были не только опрошаны, но и трижды пытаны³⁷. Те же санкции (три пытки) были приме-

---

³³ О новой датировке «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» см.: Серов Д. О. Из истории военного законодательства России XVIII века: «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (Разыскания о внешней истории текста // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды третьей международной научно-практической конференции. Ч. 3. СПб., 2012. С. 180–186.

Выражаю глубокую благодарность *Дмитрию Олеговичу Серову* за возможность ознакомиться с текстом статьи до ее публикации.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 119.

³⁵ Дела: Ивана Попова, Данилы Петрова, Григория Виноградова и Ивана Бахирева, Аксиньи Андреевой, Пантелея Егорова, Максима Кордюкова, Григория Пузикова, Дмитрия Соловьева, Фомы Федорова, Матвея Кочетова, Андрея Баранова.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 1036 об.

³⁷ Там же. Л. 98–98 об.

нены к совершеннолетнему Афанасию Васильеву, в то время как обвинявшегося вместе с ним в убийстве помещика одиннадцатилетнего Илью Иванова только допрашивали³⁸.

Наибольший интерес в данной связи представляет дело шестнадцатилетнего Тимофея Иванова «сына Соколова», который 8 января 1758 г. был представлен в приказ при доношении от поверенного «генеральши» Н.А. Стрешневой и обвинялся в участии в разбоях. В тот же день на первом допросе Т. Соколов вину «в бытии на двух разбоях». На следующий день Сыскной приказ вынес резолюцию «по силе Уложения 21 главы... 15 пункту» Т. Соколова пытать. 15 января Соколов был взят «для пытки в застенок, токмо не пытан за болезнию». Во время болезни по его собственной просьбе Т. Соколов был допрошен 23 января и признался в участии в краже «ис дому госпожи Салтыковой ис кладовой платья». 17 февраля 1758 г. Сыскной приказ постановил Тимофея Соколова все же пытать «по прежней резолюции». Он был приведен в застенок и тут «по усмотрению присутствующих явился малоростен», после чего было принято решение Соколова не пытать, а «спросить у дыбы» и направить запрос в Камер-коллегию о его возрасте. Она подтвердила малолетство Соколова, после чего пытка к нему не применялась³⁹.

Противоположная ситуация фиксируется в деле «батрака однодворца» Анисима Мальцова (15 лет), единственного из 34 малолетних, который был трижды пытан и жжен «огнем». Курская воеводская канцелярия постановила «розыскивать», т.е. пытать, А. Мальцова, обвинявшегося в поджоге, который он совершил 10 февраля 1745 г. Однако затем «по усмотрению» канцелярии «оной Анисим Мальцов явился мал», после чего было принято решение навести справки о его возрасте. С этой целью был допрошен отец Анисима, Антон, показавший, что ему 12 лет и 3 месяца. Несмотря на это, канцелярия решила все же пытать Мальцова, приняв во внимание тот возраст, который он показал при первых допросах – 15 лет, поскольку «по усмотрению [канцелярии] он выше тех лет»⁴⁰.

Следствием изъятия несовершеннолетних от пытки во всех случаях становилась фактическая остановка в разбирательстве дел. Не имея возможности пытать, судебные органы не знали, как решать вопрос с «разноречиями» в допросах подследственных и верить ли показаниям несовершеннолетних на третьих лиц. Так, в частности, в Сыск-

---

³⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 103.

³⁹ Там же. Л. 124, 126–126 об.

⁴⁰ Там же. Л. 1049 об. –1050.

ном приказе, помимо уже упоминавшегося дела Тимофея Соколова, подобная ситуация четко фиксируется еще в 6 случаях⁴¹. В каждом из них приказ, ссылаясь на отсутствие указа, разъясняющего, что с «малолетними чинить и каким образом в розысках с оными поступать», принимал решение об отправке соответствующего запроса в Сенат⁴².

Наиболее примечательно в этом отношении дело обвинявшегося в убийстве Ивана Попова, расследование которого продолжалось более 15 лет. «Пономарев сын» Иван Попов вместе с однодворцами Савелием Поповым, Семеном Тетериным и Данилой Прилуцким содержался в Сыском приказе с 18 декабря 1760 г. по обвинению в убийстве сына попа «села Русского Поречного церкви Великомученика Дмитрия» Матвея Сергеева. Тот был зарезан 30 октября 1749 г. Изначально следствие по делу вела Судженская воеводская, а затем Белгородская губернская канцелярии, откуда по решению Юстиц-Коллегии оно было передано в Сыской приказ «за неправым... производством».

Убийство Матвея Сергеева было типичным непредумышленным лишением жизни на бытовой почве и стало следствием сначала ссоры, а затем драки между М. Сергеевым и И. Поповым. Как показал последний на допросе в Судженской воеводской канцелярии 6 ноября 1749 г., 30 октября того же года он пошел «в лес в называемую церковную дубраву» для того, чтобы нарезать «на обувь липы». В лесу его нагнал «Матвей верхом на лошади». Он искал «пропавшую... отца его [Матвея] лошадь» и предложил ехать искать пропажу вместе. Молодые люди так и поступили, однако затем разошлись каждый по своим делам. Через некоторое время Матвей Сергеев вернулся и начал просить у Попова нарезанную тем липу, а в ответ на отказ дать ее стал «насильно отнимать». Последовала ссора и драка, в которой Иван Попов зарезал М. Сергеева «в азарте».

Это простое и ясное, на первый взгляд, дело осложнялось тем, что уже при первом допросе И. Попов не только не «винился» в совершении убийства, но и показал, что его «для зарезания» звал однодворец Савелий Попов. Во время дальнейшего разбирательства он «зговорил» обви-

⁴¹ Подозреваемого в совершении убийства в 1749 г. Ивана Попова (11 лет); обвинявшегося в побеге и краже пожитков из дому своего помещика Ивана Авдеева (1761 г. 14 лет); задержанного по той же причине Данилы Петрова (1762 г., 16 лет); виновных в убийстве Григория Виноградова (15 лет) и Ивана Бахирева (1752 г., 12 лет); учинившей поджег господского дома Аксины Андреевой (1752 г., 14 лет); подозреваемого в пристанодержательстве и продаже краденного Пантелея Егорова (1761 г., 14 лет).

⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 26 об., 99 об., 112–112 об., 118, 137.

нения с С. Попова, признавшись, что обвинил его напрасно «по научению... однодворца Семена Тетерина», которому вместе с Д. Прилуцким был отдан «под караул». Так вместо одного в деле оказалось 4 фигуранта, в очных ставках и допросах которых постоянно присутствовала «несогласность». Иван Попов, признавшись в убийстве, которое он совершил «подлинно один», продолжал настаивать, что обвинить С. Попова его «научил» С. Тетерин. С. Тетерин отказывался признать свое участие в деле, подчеркивая, что И. Попов на него «показывает по злобе, понеже у него Тетерина с отцом ево пономарем Андреем Поповым имеется в Судженской канцелярии приказная ссора», а о виновности С. Попова Иван говорил ему, находясь под стражей, что слышал Д. Прилуцкий. Последний, в свою очередь, свидетельствовал о том, что «таких речей он [Иван Попов] ... Тетерину не говорил». Параллельно Савелий Попов последовательно «не винился» в причастности к убийству⁴³.

С указанными затруднениями судебно-следственные органы сталкивался не единожды. В течение 1740–1750-х годов Сысской приказ 7 раз направлял доношение в Сенат с просьбой о присылке указа, устанавливающего правила проведения следствия в отношении несовершеннолетних⁴⁴. В 1746 г. свой запрос по делу Ивана Григорьева направила Санкт-Петербургская, в 1747 г. – Белгородская губернская канцелярия (по делу А. Мальцова)⁴⁵.

Неприменение пытки не означало, однако, полного изъятия малолетних от допросов с пристрастием и других способов морального воздействия. Из 34 малолетних, о которых имеются сведения, только 10 (Иван Попов, Василий Сафонов, Федор Пучков, Яков Муратов, Степан Лукьянов, Аксиныя Степанова, Иван Григорьев, Матвей Кочетов, Андрей Баранов, Дмитрий Соловьев) были «спрашиваны под плетьюми», розгами или батогами. Один из несовершеннолетних – Пантелей Егоров, был допрошен «при пытках» других фигурантов дела. Характер дел, в которых были замешаны указанные малолетние, позволяет предположить, что к пристрастным допросам прибегали из-за серьезности инкриминированных обвинений⁴⁶.

---

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 5 об. –7, 70–74 об.

⁴⁴ Там же. Л. 6 об., 70 об., 99 об., 112 об., 137, 203 об., 1041–1046 об., 1056–1059 об., 1063–1087 об.

⁴⁵ Там же. Л. 1035–1038, 1047–1055 об.

⁴⁶ И. Попов, В. Сафонов, Ф. Пучков, Я. Муратов обвинялись в убийстве; П. Егоров в укрывательстве разбойничьей шайки С. Серцова; М. Кочетов и А. Баранов подозрева-

Внимания заслуживает и тот факт, что при проведении следствия местные судебные органы практически сразу начали применять к малолетним подозреваемым положения именного указа «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» от 10 февраля 1763 г., а в особенности его 2-ой пункт, отдававший предпочтение собственным показаниям подследственного, другим «уликам», «увещаниям» и повальному обыску, а не пытке⁴⁷. «Увещания» через священника и повальный обыск были применены к 12 малолетним (В. Сафонову, Ф. Пучкову, Я. Муратову, Н. Алексееву, И. Иванову, И. Лукьянову, И. Попову, С. Лукьянову, А. Степановой, Г. Пузикову, Н. Малеванову, Д. Соловьеву). Причем, в мнении по делу В. Сафонова от 5 июня 1763 г. присутствовала и предложенная в указе от 10 февраля 1763 г. мотивация подобных действий со стороны Сысского приказа – «не пытаться... дабы напрасного кровопролития не было... лутче в неизвестности и не имея точного обличения невинного свободить, нежели невинного истязать»⁴⁸.

Отсутствие в законодательстве четкой дефиниции возрастных пределов определения совершеннолетия⁴⁹ приводило к тому, что судебные органы *de facto* устанавливали возраст малолетства. Так, в Сысском приказе и Московской Розыскной экспедиции, которые вели следствие в отношении 29 из 34 детей-преступников, к категории малолетних относились лица, которым исполнилось 19 лет. Совершение преступления в данном возрасте или до указанного возрастного предела было главным основанием для изъятия их от общеуголовных судебных следственных методов и санкций.

лись в совершении ряда краж (РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 4 об. –8 об., 70–75 об., 24 об.–25 об., 31–48, 82–95 об., 135, 222 об., 228 об., 291 об., 1041).

⁴⁷ ПСЗРИ. 1– собр. Т. XVI. № 11750.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 45.

⁴⁹ В законодательстве предшествующего периода не существовало четких возрастных пределов наступления полной дееспособности. Соборное Уложение 1649 г. оперировало тремя возрастными пределами – 15, 18 и 20 лет. С 18 лет молодые люди считались годными к военной службе (гл. VII. п. 17), затем эта планка была опущена до 15 лет (ПСЗРИ. 1– собр. Т. I. № 86; Т. III. № 1702), бывших крайним возрастом приведения к присяге, и то «по нужде» (гл. XIV. п. 1, 5), и права родителей давать служилые кабалы на своих детей (гл. XX. п. 110). При этом Уложение не поясняло, освобождались ли дети моложе 15 лет от уголовной ответственности или нет. Возрастной предел наступления уголовной ответственности был установлен Новоуказными статьями: в случае совершения убийства дети моложе 7 лет освобождались от каких-либо санкций (ПСЗРИ. 1-е собр. Т. I. № 441. ст. 79).

Понятие «малолетний» как качественная характеристика возрастного состояния в экстрактах применялось только к лицам до 12 лет (как преступникам, так и потерпевшим). В отношении остальных возрастных категорий понятия «малолетства» или «несовершенства лет» использовались в основном в качестве мотивационного объяснения повода принятия в отношении них тех или иных решений. Так, последовательно «малолетними» названы: зарезанный Иваном Поповым в 1749 г. девятилетний сын попа Матвей Сергеев, убитый Григорием Виноградовым и Иваном Бахиревым в 1752 г. «на сырной неделе» семилетний «вотчины графа Петра Борисович Шереметева оброчного крестьянина Елисея Федорова малолетной сын ево Григорий Елисеев», обвинявшаяся в поджоге хозяйского дома в 1759 г. Фекла Антипова двенадцати лет, соучастник убийства своего владельца кн. С.Ф. Сологови в 1762 г. одиннадцатилетний Илья Иванов⁵⁰.

В определенной степени подобная трактовка малолетства совпадала с мнением Синода о границах наступления дееспособности, которое он представил в Сенате в июле 1744 г. Сделав «с Кормчею книгою справку», Синод пришел к выводу, что от пытки, смертной казни и наказания кнутом могут освобождаться только дети, не достигшие двенадцатилетнего возраста – «коим от рождения еще 12 лет не исполнилось», – поскольку именно с этого времени они могли вступать в брак и присягать⁵¹.

В решениях Сената присутствовала двойственность в вопросе о предельном возрасте несовершеннолетия. Об этом свидетельствуют дела Игнатия Яковлева и Игнатия Лукьянова. И тот, и другой были пономарями и обвинялись в краже, обоим в момент совершения преступления было по 19 лет. В деле Игнатия Яковлева, который поступил в Московскую Розыскную экспедицию из духовной консистории «преосвященного Феодосия, епископа Коломенского и Каширского» 5 марта 1764 г. по обвинению в краже «церковных вещей из церкви Успения Пресвятой богородицы», Сенат не утвердил «мнение» экспедиции, предлагавшей вместо положенной за подобное преступление смертной казни, которая в

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 53–55 об., 129–131, 100–103 об., 159 об. – 162.

⁵¹ ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XII. № 8996.

В установлениях Московского воспитательного дома фигурировали следующие возрастные границы: 6–7 лет, «оба пола» живут вместе, начинают упражняться в легкой работе. 7–11 лет ходят «по одному часу в школу», 11–14 лет – усложнение работ, в «14 или 15» лет подростки «должны [были] приготовиться к совершительному окончанию разных мастерств» (ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XVI. № 11908. п. 5–8).

соответствии с указом от 30 сентября 1754 г. заменялась жестоким наказанием кнутом, поставлением «указных знаков» и ссылкой в Нерчинск в «тяскую работу», приговорить его к простому наказанию кнутом и «послать в ссылку в Нерчинск вечно». С точки зрения Сената «в разсуждении того, что он уже девятнадцати лет», Яковлев заслуживал полного наказания⁵².

Противоположная ситуация сложилась в деле Игнатия Лукьянова, доставленного в Сысской приказ 14 марта 1763 г. по обвинению в краже из приходской церкви похвалы Богородицы «со образа... Владимирской богородицы... убруса низанного жемчужного, да с образа Спасителя риза серебряная кованная вызолочена и жемчугом низанная». И. Лукьянов показал, что ему 17 лет. Однако, основываясь на справке из «исповедных ведомостей» Московской духовной консистории, в соответствии с которой в 1762 г. Лукьянову было 18 лет, Сысской приказ пришел к заключению, что он «ныне имеет быть» девятнадцати лет. «Несовершенство лет» И. Лукьянова было учтено в поданном в Экспедиции о колодниках мнении. Московская Розыскная экспедиция предлагала вместо смертной казни присудить И. Лукьянова к «нешадному» наказанию плетьюми и ссылке в Нерчинск «в работу вечно». «Резоны» экспедиции были приняты во внимание Сенатом, который в июне 1764 г. приговорил И. Лукьянова к простому наказанию плетьюми и ссылке в Нерчинск⁵³.

В Экспедиции о колодниках 18 лет полагались в качестве возрастной границы совершеннолетия. Доказательством этого может служить переписка между экспедицией и Краснослободской управительской канцелярией Сибирской губернии. 15 мая 1763 г. в силу указов от 10 и 17 февраля 1763 г. канцелярия направила в экспедицию ведомость о 22 делах, которым «производства чинятца... сего 1763 года апреля месяца». Ведомость была получена в экспедиции о колодниках 23 сентября и слушана 15 октября того же года. В результате в Краснослободскую управительскую канцелярию был послан указ, суть которого сводилась к следующему. Во-первых, Экспедиция о колодниках настаивала на необходимости «непременно» решать дела в срок (один месяц) и в соответствии с процедурой, предписанной указом от 10 февраля 1763 г. Во-вторых, она требовала объяснений, почему не выполняется указ от 28 февраля 1763 г. и в экспедицию не только не была прислана информация об обвинявшемся в соучастии в разбое в сентябре 1762 г. Трофиме Гольянове,

⁵² РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 213–220 об., 276.

⁵³ Там же. Л. 105, 172, 195.

которому на момент совершения преступления было 18 лет, но к тому же 15 января 1763 г. канцелярия приняла решение о применении в его отношении «розысков», т.е. пыток, для производства которых он вместе с другими фигурантами дела был направлен в Сибирскую губернскую канцелярию. Пока продолжалась переписка (октябрь 1763 – июнь 1764 гг.) Сибирская губернская канцелярия в ноябре 1763 г. окончила следствие по делу, а Трофим Гольянов «по учинении наказания послан на работы в Нерчинские заводы»⁵⁴. Таким образом, и Сибирская губернская канцелярия, и Краснослободская управительская канцелярия Сибирской губернии не относили к категории малолетних лиц, достигших восемнадцати лет.

Ситуация с «летами» недорослей осложнялась и общими принципами определения возраста колодников, поступавших в судебно-следственные органы. При начальных допросах они сами «показывали», сколько им лет, после чего вышеназванные инстанции могли направить запрос, во-первых, в местную духовную консисторию или правление, а во-вторых, в Камер-коллегию с целью сверки показаний подследственных с данными второй ревизии (1744–1747 гг.). В отдельных случаях мог проводиться опрос родственников.

Указанные процедуры имели место в отношении 15 несовершеннолетних подозреваемых. В отношении 9 из них запрашивалась Камер-коллегия (И. Попов, П. Егоров, И. Авдеев, В. Сафонов, Я. Муратов, Ф. Пучков, Н. Алексеев, Т. Соколова, С. Лукьянов), в 4 – Духовная консистория (И. Лукьянов, А. Емельянова) или правление (Д. Соловьев, Ф. Федоров), где сверка показаний проводилась по исповедным ведомостям или ведомостям «о священно и церковнослужителях»⁵⁵. В деле И. Григорьева возраст (11 лет) был подтвержден «служителем Иваном Орловским» по приказу «господина ево» – «Государственной юстиц коллегии советника Василия Иванова сына Татищева», дворовым человеком которого был мальчик. О годах Анисима Мальцова дал показания его отец, «скаскою» объявивший, «что оному сыну ево от роду 12 лет и три м[еся]ца»⁵⁶. Стоит отметить, что в Камер-коллегию чаще обращался Сыскной приказ/

---

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. Д. 3474. Л. 102 об., 109–118.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 284, 299, 326 об. –328.

⁵⁶ Там же. Л. 1035 об., 1049 об. –1050.

Данный факт лежит в русле тенденции, отмеченной О.Е. Кошелевой, на материалах переписи Санкт-Петербургского острова, которая свидетельствует о точном знании и учете родителями возраста детей (*Kosheleva Ol'ga. Children...* P. 396–397).

Московская розыскная экспедиция (8 случаев из 9), в то время как местные судебно-следственные органы (Казанская губернская, Переславская провинциальная, Волоколамская воеводская канцелярии) апеллировали к духовным инстанциям, что могло объясняться их территориальной близостью, которая упрощала и ускоряла процесс коммуникации.

Очень часто выяснялись существенные разночтения между собственными показаниями малолетних и данными, приходившими из Камер-коллегии или духовных органов. При этом среди малолетних явно наблюдалась тенденция к завышению возраста. Так, упоминавшийся выше Игнатий Яковлев «от роду показал себе девятнадцать лет», но в ревизии «написан» не был. Это означало, что либо по каким-то причинам Яковлев не был учтен, либо он родился во время или после ревизии и, следовательно, на момент совершения преступления ему было 17 лет⁵⁷. Как представляется, судебно-следственные органы учитывали данный факт, принимая во внимание не тот возраст, который указывали сами подсудимые, а тот, который фигурировал в данных второй ревизии или был зафиксирован в исповедных ведомостях.

Подобная ситуация четко фиксируется в деле Ивана Попова, который обвинялся в убийстве, совершенном в 1749 г. При первых допросах Попов «показывал себе от роду семнадцать лет», но справкой из Камер-коллегии было показано, что «в бывшую новую [т.е. вторую 1744–1747 гг.] ревизию написан он осми лет» и, следовательно, как отмечал Сыскной приказ, на момент совершения убийства «он Попов был с небольшим десяти лет»⁵⁸. Присутствовала неясность в возрасте и в деле Пантелея Егорова, представленного в Сыскной приказ по обвинению в пристанодержательстве и продаже краденного 4 мая 1761 г. Сам П. Егоров показывал, что ему 18 лет. Однако и справка из «Камер-коллегии», и ответ на запрос из вотчины Н.А. Корфа, крепостным которого был Егоров, однозначно утверждали, что во время проведения второй ревизии Пантелей не был «написан» при его отце Егоре Анофриеве, поскольку «родился после ревизии». Значит, на момент совершения преступления ему могло быть около 14 лет⁵⁹. Приблизительно такого же возраста могли быть и обвинявшиеся в побеге и краже Иван Авдеев и Степан Лукьянов. Первый утверждал, что ему 16 лет, но не был записан «в подушном окладе»,

---

⁵⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 220 об.

⁵⁸ Там же. Л. 70 об., 75.

⁵⁹ Там же. Л.10 об., 134 об.

т.е. не учтен в ревизии 1744–1747 гг.⁶⁰ Второй заявил, что ему 17 лет, «а по справке из камор коллегии оного Степана Лукьянова отец по нынешней второй ревизии в подушном окладе написан, а ево Степана при отце ево в написании не явилось, как Степан показан, что он родился после той ревизии»⁶¹.

Вопрос о причинах завышения несовершеннолетними своего возраста требует дальнейшего изучения. Однако, как представляется, подобным образом они демонстрировали свою принадлежность к «взрослому» миру, частью которого себя ощущали. Об этом в определенной степени свидетельствует характер занятий недорослей до совершения преступлений. Из 34 малолетних в возрасте от 7 до 19 лет, о которых имеются данные, практически все в той или иной степени были вовлечены в трудовую активность разного рода или служили⁶². К категории «взрослой жизни» может быть отнесено и ученичество, которое маркировало конец периода, называемого «детством»⁶³. Только трое: дворовый человек Г. Пузиков (13 лет), сын сосланного церковного сторожа Г. Виноградов (15 лет) и солдатский сын И. Бахирев (12 лет) упоминают игры⁶⁴.

Взрослыми самостоятельная жизнь малолетних воспринималась как абсолютно нормальное явление. Так, четырнадцатилетний ученик Казанской гарнизонной школы Дмитрий Соловьев не только украл деньги, но и «дал... заимобразно... казанскому посадскому человеку Карпу Андрееву 5 рублей, да Казанской духовной консистории копиисту Лариону Иванову 3 рубля»⁶⁵.

---

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 80.

⁶¹ Там же. Л. 229 об.

⁶² Находились на службе: В. Сафонов (15 лет), копиист Московской губернской канцелярии, Ф. Пучков (12 лет), Н. Алексеев (17 лет), работники «Московского генерального гофшпиталья» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 24 об.-25).

Учились: Д. Соловьев – 14 лет, Казанская гарнизонная школа, Матвей Кочетов – 13 лет, Московская гарнизонная школа, Демид Никифоров, из дворян, 14 лет, Белгородская гарнизонная школа (Там же. Л. 281, 295, 1041).

Тимофей Соколов (16 лет) после побега от помещицы и прихода в Москву, где он «недели з две» просил милостыню, нанялся копать погреб в Немецкой слободе» (Там же. Л. 124 об.–125). Пантелей Егоров (18 лет) сдавал жилье в наем (Там же. Л. 132). И. Лукьянов «находился» пономарем при церкви Николая Чудотворца, «что на песках», но «место» свое продал в октябре 1762 г. (Там же. Л. 104–105). Его однофамилец, Степан, сбежав от помещика и придя в Москву, «в разные времена» ходил «к Чудову монастырю для прииску себе места» (Там же. Л. 226 об.–227).

⁶³ Kosheleva O'l'ga. Children... P. 398–399.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 53 об., 234.

⁶⁵ Там же. Л. 282 об.

Упомянутый выше Степан Лукьянов после побега от своего владельца присоединился к группе крестьян, «кои шли в Москву к помещику своему». Им он сказал, что послан с письмом «к брату помещика ево», затем то же самое повторил в Москве и Лакрееву-Панову, дворовыми которого были попутчики Степана. В доме Лакреева-Панова С. Лукьянов прожил «с неделю», при этом ни у кого не возникло мысли проверить его слова, а поведение Степана вызвало подозрение только после того, как он был приведен «пьяной» со значительной суммой денег «в кармане». Примечательны и объяснения, которые давал С. Лукьянов об их происхождении: в первом случае он показал, что деньги украл у казаков, к которым «нанялся... в работники», во втором (со слов Лакреева-Панова) – что выиграл в «Немецкой слободе в трактире»⁶⁶.

Завсегдатаями заведений подобного рода были и участники убийства Степана Сафонова – его сын Василий Сафонов, Федор Пучков, Яков Муратов и Никита Алексеев. Все они неоднократно посещали «кабак, стоящей в Лафертовской слободе», где играли и пили «вино и пиво». Сговорившись убить отца В. Сафонова, они пригласили его с собой «для гуляния», которое состояло в том, что, наняв извозчика, компания ездил по различным кабакам⁶⁷.

Заслуживающими внимания представляются наблюдения над мнениями Сысского приказа/Московской Розыскной экспедиции и Волоколамской воеводской канцелярии по делам, в которых фигурировали малолетние, а также приговорами, вынесенными на их основании Сенатом. Они позволяют утверждать, что санкции для данной категории преступников, во-первых, значительно смягчались, а во-вторых, дифференцировались в зависимости от тяжести преступления и возраста несовершеннолетнего на момент окончания следствия.

Обычно в «мнении» со ссылкой на соответствующие законодательные акты фиксировалось наказание, которому подлежал бы преступник в случае совершеннолетия, однако затем следовала ссылка на «несовершенство лет» или «малолетство», или указывался точный возраст, что служило основанием для смягчения санкции⁶⁸. Наказание (в основном это была смертная казнь, заменявшаяся по указу 30 сентября 1754 г. жестким наказанием кнутом, клеймением и ссылкой в Нерчинск в работу веч-

---

⁶⁶ Там же. Л. 226 об. –228 об.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 83 об.–84.

⁶⁸ Там же. Л. 172.

но) предлагалось уменьшить, заменив его плетьюми и/или ссылкой на разные сроки⁶⁹.

В деле Максима Кордюкова, похитившего из церкви замок и ключи, и Фомы Федорова, убившего своего отчима, мнения Московской Розыскной экспедиции и Волоколамской воеводской канцелярии содержали прямую ссылку на 10-й пункт 6-й главы «Краткого изображения процессов...», который, таким образом, считался одним из законных оснований для смягчения приговора для несовершеннолетних⁷⁰.

Интереснее обстоит дело с «мнениями» Сысского приказа и Московской Розыскной экспедиции по поводу дел, фигуранты которых на момент окончания следствия уже были совершеннолетними. Если при проведении следствия малолетство было основанием для изъятия от пытки, то при вынесении приговора ситуация была совершенно иной: все они присуждались к полной ответственности будучи «указных лет» (В. Сафонов, Ф. Пучков, А. Андреева, Г. Виноградов, И. Бахирев, Т. Соколов, П. Егоров, С. Лукьянов)⁷¹. Помимо этого, в присутствии Московской Розыскной экспедиции могло проводиться специальное освидетельствование с целью выяснения того, смогут ли обвиняемые «снести» наказание. Подобное освидетельствование имело место в отношении пяти малолетних (В. Сафонова, Ф. Пучкова, Г. Виноградова, И. Бахирева, С. Лукьянова).

Анализ ведомостей и экстрактов из дел о малолетних преступниках, присланных в Экспедицию о колодниках из местных судебно-следственных органов в 1763–1764 гг., позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, со ссылкой на 10-й пункт 6-й главы «Краткого изображения процессов...» малолетние подозреваемые изымались от пытки. К ним, однако, в особо тяжких случаях могли применяться допросы с пристрастьем. Во-вторых, возрастной предел совершеннолетия трактовался достаточно широко – до 19 лет. Судебно-следственные органы при отсутствии четких законодательных постановлений устанавливали его на практике самостоятельно. В-третьих, несовершеннолетие было достаточным основанием для смягчения приговора по делу. Однако Московская Розыскная экспедиция полагала его возможным только в том случае, если обвиняемый оставался не «указных лет» на момент вынесения приговора.

Еще до издания Сенатского указа от 26 июня 1765 г. Сенат фактически стал судом первой инстанции по делам о преступлениях несовер-

---

⁶⁹ Там же. Л. 131, 158, 166, 172, 220 об., 225–225 об., 232–232 об., 239.

⁷⁰ Там же. Л. 158–158 об., 299 об.

⁷¹ Там же. Л. 47–48, 116, 118–118 об., 128–128 об., 138, 232–232 об.

шеннолетних. Во исполнение указа от 28 февраля/31 марта 1763 г. местные судебные инстанции вели первичное следствие, а затем передавали дела (в виде доношений, к которым прилагался экстракт из дела) на окончательное рассмотрение Сената. Из 22 дел, экстракты и мнения по которым были присланы из Сысского приказа/ Московской Розыскной Экспедиции, Казанской, Санкт-Петербургской и Белгородской губернских, Переславской провинциальной и Волоколамской воеводской канцелярий в 1763–1764 гг., Сенат вынес приговоры только по восьми: в двух делах приговор был ужесточен, в одном – смягчен⁷².

Причина недостаточной эффективности Сената крылась, как представляется, в значительном объеме информации о несовершеннолетних преступниках, которая была передана в 1763–1764 гг. из целого ряда местных судебно-следственных органов⁷³. В результате на заседании 4 ноября 1764 г. Сенат принял постановление о новых принципах сбора и обработки ведомостей о малолетних преступниках. «По апелляции» они должны были отсылаться из воеводских в провинциальные канцелярии, из розыскных экспедиций в губернские канцелярии, а из губернских и городских ратуш в главный магистрат и «контору оного». «Рассматривая оные», вышеуказанные органы обязаны были направлять соответствующие ведомости в Экспедицию о колодниках, которая наделялась исключительным правом «докладывать» Сенату. Для большей, как представлялось Сенату, эффективности все, уже полученные ведомости, предписывалось отослать обратно на места⁷⁴.

Параллельно Сенат занялся внимательным изучением предшествующих законодательных попыток урегулирования наказаний для несовершеннолетних правонарушителей. На заседании 25 мая 1764 г. было принято решение о повторном рассмотрении дела Прасковьи Федоровой и сенатского доклада, состоявшегося по ее поводу и представлявшегося на утверждение Елизавете Петровне в 1742, 1744 и 1746 гг. В протоколе заседания отдельно отмечалась необходимость «постановления вновь

---

⁷² Сенат утвердил мнения по делам М. Кордюкова, И. Лукьянова, И. Яковлева, И. Иванова, Д. Соловьева, Ф. Федорова, Н. Малеванова, А. Емельяновой. Были ужесточены приговоры по делу И. Яковлева и И. Иванова, которого, во-первых, предписывалось наказывать плетью «нешадно», а во-вторых, транспортировать и содержать на месте ссылки «скована в кандалах», «для пропитания», давая не более «как хлеб и воду». Наказание было смягчено для И. Лукьянова, которого надлежало просто «бить плетью» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 193–193 об., 195, 276, 314, 337–337 об.).

⁷³ Там же. Л. 280–1015.

⁷⁴ Там же. Л. 820–821.

закона» по вопросу о малолетних, «рассуждение» о которых должно было состояться в «общем Правительствующего Сената всех департаментов собрания»⁷⁵.

12 ноября 1764 г. указанное собрание было проведено, и по его итогам, обращая особое внимание на «важность» вопроса и необходимость «справедливого между винами различия», Сенат приказал, во-первых, изучить собственно законодательные определения в отношении малолетних, а во-вторых, «справиться» с законодательствами «других христианских народов и поданных ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА»⁷⁶. В результате в течение зимы – весны 1765 гг. по вопросу о наказаниях несовершеннолетних и характере применявшихся в их отношении следственных методов были сделаны специальные выписки и переводы из «Лифляндских земских прав», «малороссийских прав», магдебургского, саксонского, шведского права и «Эстляндских рыцарских прав»⁷⁷.

В протоколах заседаний отсутствуют какие-либо упоминания об обсуждении в Сенате принципов возрастного определения совершеннолетия и характера пенитенциарного воздействия на малолетних преступников в иностранных системах права. Как представляется, это было связано с двумя причинами.

Во-первых, выписки из европейского законодательства наглядно продемонстрировали отсутствие единства и ясности в данном вопросе. С одной стороны, в Лифляндском, Эстляндском, малороссийском, магдебургском и саксонском праве 14 лет полагались возрастным рубежом неприменения пытки и освобождения от смертной казни или ее замены телесными наказаниями. Однако, с другой стороны, указанные законодательные системы содержали постановления по тем же вопросам, в которых устанавливался другой или вообще не определялся возраст наступления уголовной ответственности.

В соответствии с Лифляндскими земскими правами от пытки могли изыматься дети «ниже» 14 лет, в отношении которых разрешалось применять розги. Малолетние также освобождались от смертной казни, но не указывался точный возраст совершеннолетия, а окончательное решение по делу возлагалось «на разсуждение благоразумного судьи»⁷⁸.

---

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 1028.

⁷⁶ Там же. Л.1097–1097 об.

⁷⁷ Там же. Л. 1103–1103 об., 1109–113.

⁷⁸ Там же. Л. 1103–1103 об.

В малороссийских правах «по статуту Великого Княжества Литовского» от «мучения» и смертной казни освобождались дети до 16 лет. Однако по тем же малороссийским правам «в книге прав судов гражданских» изъятие от смертной казни для детей полагалось возможным только в том случае, если они еще не «ведали, что есть зло»⁷⁹. По магдебургскому праву смертная казнь заменялась уплатою штрафа для детей моложе 14 лет, однако в то же время она могла применяться в их отношении, если они были «зли и упрямь»⁸⁰.

Во-вторых, в сравнении с традициями европейского законодательства (естественно, той его части, которая рассматривалась Сенатом) российские законодательные предложения, касавшиеся малолетних преступников, во-первых, завышали возраст наступления уголовной вменяемости, а во-вторых, отличались большей четкостью при его определении. Наибольшего внимания в данной связи заслуживают предложения, которые 7 января 1765 г. представила Уложенная комиссия 1754–1766 гг., а также сенатский доклад, переданный на рассмотрение Елизавете Петровне в 1742 г. Как представляется, в «синтезированном виде» данные материалы легли в основу указа от 26 июня 1765 г.

Сенатский доклад от 30 июля 1742 г., как уже отмечалось, предлагал считать малолетними лиц, не достигших 17 лет, для которых в случае совершения ими тяжких уголовных преступлений смертная казнь заменялась публичным наказанием плетью и ссылкой в монастырь на разные сроки⁸¹. В предложениях Уложенной комиссии 1754–1766 гг. возрастом наступления полной уголовной вменяемости полагались 15 лет. Виновные в «умышленных смертных убийствах» дети от 10 до 15 лет должны были наказываться плетью, до 10 лет – розгами и ссылкой в монастырь⁸².

На заседании 11 марта 1765 г. Сенат, ссылаясь на именной указ Петра I от 17 апреля 1722 г. и «имея довольное рассуждение», постановил по «криминальным делам во всех случаях, кроме продажи, заклада и тому подобных дел, о чем есть особливые законы, как мужескому, так и женскому полу совершенное возраст считать семнадцать лет». Плетни и розги, «а не батожье» предлагалось установить в качестве основных видов телесных взысканий для несовершеннолетних: дети от 10 до 15 лет

---

⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 1109 об. –1110.

⁸⁰ Там же. Л.1110 об.–1111.

⁸¹ ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XI. № 8601.

⁸² РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 1099–1102.

подлежали наказанию розгами, а от 15 до 17 лет – плетьюми. До 10 лет ребенок считался полностью уголовно невменяемым и освобождался от любой ответственности. Его надлежало отдавать для наказания «отцам, матерям или помещику», освобождая на будущее от каких-либо подозрений⁸³. 23 апреля 1763 г. Екатерине II был представлен доклад Сената по указанному вопросу, который она утвердила 2 мая того же года. В 1-м собрании ПСЗРИ данный указ датирован по дню его публикации 26 июня 1765 г.⁸⁴.

Определенная двойственность указа от 26 июня состояла в том, что он был секретным. Это, с одной стороны, мотивировалось необходимостью удерживать малолетних от совершения противоправных действий, а с другой – могло быть вызвано опасением использования мнимого несовершеннолетия для смягчения положенного наказания. Об этом, в частности, свидетельствует указ от 31 августа 1765 г., настоятельно предписывавший в делах о преступниках, «выдающих себя за малолетних», справляться об их возрасте в ревизских книгах и ведомостях, подаваемых приходскими священниками⁸⁵.

Сенат внимательно следил за тем, чтобы на местах не выносили приговоры по делам о несовершеннолетних преступниках. Так, за 1767 г. вторым департаментом Сената было сделано 7 выговоров нижестоящим судебным органам за предоставление «на рассмотрение Сената» собственных «мнений»⁸⁶ и несоблюдение секретности указа от 26 июня 1765 г.⁸⁷ После выговора Тамбовской провинциальной канцелярии от 13 сентября

---

⁸³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4918. Л. 1117–1118 об., 1120–1123.

⁸⁴ ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XVII. № 12424.

⁸⁵ ПСЗРИ. 1-е собр. № 12463.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 4987. Л. 161 об.

27 февраля 1767 г. выговор был объявлен Белозерскому провинциальному магистрату, который в поданном в Сенат доношении от 18 ноября 1766 г. предлагал наказать «плетьюми и сослать в Нерчинск на житье» пятнадцатилетнего Якова Иванова, «оказавшегося в восьми татбах». Тогда же выговора удостоилась и Смоленская губернская канцелярия, которая предлагала обвинявшуюся в краже из церкви четырнадцатилетнюю Феклу Макарову приговорить к «наказанию плетьюми и сослать на поселение в Нерчинск» (*Там же*. Л. 161–163 об.).

⁸⁷ В 1767 г. вторым департаментом Сената выговоры были сделаны: 14 марта Тверской провинциальной канцелярии за то, что на конверте, в котором содержалось доношение о малолетней Федоре Гавриловой, обвинявшейся в убийстве «купецкой дочери Натальи Поповой», «написано по секрету» (*Там же*. Л. 281); 21 марта Шацкой провинциальной канцелярии за ту же самую оплошность (*Там же*. Д. 4988. Л. 76); 9 июля выговор получила Тамбовская провинциальная канцелярия за то, что цитировала указ 1765 г. о малолетних «чрез что оной даже и нижним приказным служителям, кому не надлежало,

1767 г., члены которой были оштрафованы «за полмесяца окладного ис жалования», Сенат еще раз подтвердил секретность указа о малолетних и установил форму доношений с мест. Предписывалось только указывать «год, месяц, число, когда тот указ состоялся», а также давать информацию, во-первых, об имени и «звании» преступника и времени его ареста, во-вторых, о его возрасте, в-третьих, о том, добровольно ли он или «по уликам» признался в совершении преступления, в-четвертых, о фактах, подтверждающих виновность, в-пятых, о результатах обыска⁸⁸.

Можно с уверенностью утверждать, что к 1767 г. второй департамент Сената выработал определенный формуляр санкции по делам о малолетних преступниках. За первые семь месяцев Сенатом было вынесено 14 приговоров несовершеннолетним. Доношения с мест о преступлениях, совершенных детьми, рассматривались во втором департаменте 8⁸⁹, 26⁹⁰ и 27 февраля⁹¹, 27 марта⁹², 30 апреля⁹³, 15⁹⁴, 21⁹⁵ и

открылся» (*Там же*. Д. 4988. Л. 303–303 об.); 28 августа выговор получила Серпейская воеводская канцелярия (*Там же*. Л. 574).

⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп.1. Д. 4989. Л. 73–73 об., 75–76.

⁸⁹ По доношению Алексеевской воеводской канцелярии 16-летний Максим Денисов, обвинявшийся в соучастии в убийстве помещика, был приговорен к «наказанию плетьюми и послать на Нерчинские заводы в работу вечно» (*Там же*. Д. 4987. Л. 89 об., 99–99 об.).

⁹⁰ По доношению Новгородской губернской канцелярии Сенат вынес приговор о 4 малолетних преступниках: Денис Родионов, 14 лет, и Владимир Михайлов, 12 лет, обвинялись в 6 татьбах; Дмитрий Васильев и Ефим Михайлов, по 12 лет, – каждый в одной краже. Приговорены к наказанию плетьюми и отдаче «на прежнее жилище» (*Там же*. Л. 144).

⁹¹ По доношению Белозерского провинциального магистрата Сенат приговорил обвинявшегося в восьми татьбах 15-летнего Якова Иванова к наказанию плетьюми и ссылке «в Нерчинск на житье» (*Там же*. Л. 161–161 об., 163 об.).

⁹² По доношению Севской провинциальной канцелярии за кражу лошади и «образов, риз и протчей утвари» из церкви 16-летний ротный писарь Николай Богуш был приговорен к наказанию батогами и отсылке «в Киевский гарнизон к артиллерийской команде» (РГАДА. Ф. 248. Оп.1. Д. 4987. Л. 395 об.–396).

⁹³ По доношению Белгородской губернской канцелярии от 29 марта 1767 г. 15-летний «попов сын» Захар Ершов были приговорен к «наказанию плетьюми и послать в Нерчинск на житье». Он обвинялся в том, что по приказу братьев Терентия и Ивана «отбеливал мелом фальшиво изготовленные ими деньги». Новокрещенная татарка Анна Васильева, 16 лет от роду, была приговорена к наказанию батогами и ссылки на «поселение в Сибирь» за убийство мужа 31 января 1766 г. (*Там же*. Д. 4974. Л. 335–339; Д. 4987. Л. 516–517).

⁹⁴ Сенат вновь вернулся к рассмотрению дела Анны Васильевой и принял решение о смягчении приговора «по несовершеннолетнему ея летам», батоги были заменены плетьюми, но решение о ссылке на поселение оставалось в силе (*Там же*. Д. 4988. Л. 48, 54–54 об.).

⁹⁵ В этот день были рассмотрены 2 дела о несовершеннолетних преступниках. Одно по доношению Шацкой провинциальной канцелярии от 30 марта 1767 г. о 16-летнем

31 мая⁹⁶, 9⁹⁷ и 10 июля⁹⁸. «По несовершенноству лет» преступников приговоры состояли в наказании плетьюми или батогами, которое могло сопровождаться ссылкой в Сибирь.

Ссылка присуждалась в случае совершения несовершеннолетними таких тяжких преступлений, как убийство, изнасилование⁹⁹, фальшивомонетчество, поджог, и дифференцировалась в зависимости от тяжести преступления на ссылку «на Нерчинские заводы в работу вечно», «в Нерчинск на житье», а также «на поселение Сибирь». Батоги также налагались за особо тяжкие, с точки зрения власти, деяния. Таковыми были кража из церкви и поджог с особо серьезными последствиями (сгорела вся деревня).

Таким образом, можно констатировать, что в 1760-е годы в России, во-первых, произошло значительное смягчение системы наказаний для малолетних. Во-вторых, впервые в русском праве была четко обозначена возрастная планка наступления полной уголовной ответственности (17 лет), а также определен возраст, с момента достижения которого ре-

дворовом Трофиме Филиппове, обвинявшемся в поджоге. Другое – по доношению Тверской провинциальной канцелярии о 15-летней крестьянке Федоре Ивановой, виновной в убийстве. Санкция и в том, и в другом случае была одинаковой – «по несовершенноству ево [ее] лет учинить наказание плетьюми и сослать на поселение в Сибирь» (*Там же*. Л. 76, 82).

⁹⁶ По доношению Ярославской провинциальной канцелярии о 14-летнем дворювом Федоре Степанове, виновном в поджоге дома своего помещика майора Александра Обрескова, из-за которого сгорела вся деревня, был вынесен приговор «учинить наказание батоги и сослать в Нерчинск в работу вечно» (*Там же*. Л. 121 об. –122, 126–126 об.).

⁹⁷ По доношению Тамбовской провинциальной канцелярии Сенат приговорил двух поповских сыновей Ивана и Алексея Герасимова, 16 и 14 лет соответственно, к наказанию «батожем» и «розгами». Старший из них обвинялся в краже 15 копеек из церковной и 1,5 руб. из «братской» кружки Тамбовского Преображенского собора. К наказанию батогами за кражу 3 руб. 30 коп. «ис коробки» из церкви и серебряного перстня «кот образа» был приговорен Иван Пестов (возраст на указан) по доношению Тотемской воеводской канцелярии (*Там же*. Л. 291 об. –292, 303–303 об.).

⁹⁸ По доношению Карачевской воеводской канцелярии Сенат вынес приговор по делу «крестьянской девки» Афимьи Васильевой, «которой по справке с поданными к нынешней ревизии скасками по исчислению и ныне показано шестнадцать лет и девять месяцев». За поджог 26 апреля 1767 г. пяти крестьянских дворов она присуждалась к наказанию плетьюми и возвращению «помещице по прежнему»; в случае отказа последней принять Васильеву, ее надлежало сослать «на поселение в Сибирь» (*Там же*. Д. 4974. Л. 640–648; Д. 4988. Л. 314, 317).

⁹⁹ Рассматривая в ноябре 1765 г. дело шестнадцатилетнего крестьянина Василия Федосеева, который «оказался в сильном растлении восьмилетней девки, и потом в смертном ея убийстве», Сенат приговорил его к «жестокому» наказанию плетьюми и ссылкой «вечно на Нерчинские заводы в работу» (ПСЗРИ. 1-е собр. Т. XVII. № 12510).

бенок мог быть субъектом преступления (10 лет). Указанные возрастные пределы были значительно выше, чем в европейском праве того же времени (14/16 и 7 лет соответственно). Помимо общей тенденции гуманизации уголовного права в этом процессе находит свое отражение явно обозначившееся в эпоху Просвещения смещение приоритетов в конечном целеполагании уголовной санкции: место устрашения и извлечения материальной выгоды из личности преступника занимает стремление к его исправлению и перевоспитанию. Особую актуальность эта тенденция приобретает в отношении несовершеннолетних преступников на общем фоне фиксируемой в Западной Европе в XVII–XVIII вв. трансформации положения ребенка в рамках как семьи, так и социума в целом.

Ф. Арьес отмечает, что с конца XVII в. Западной Европе начинается «осознание детства» как особого «возраста жизни», не выделяемого в отдельный период средневековым сознанием. С точки зрения Ф. Арьеса, это было «одной из сторон великого процесса морализации», провозгласившего воспитание одним из главных условий становления личности¹⁰⁰. Как представляется, законодательное закрепление нижней возрастной планки наступления уголовной право- и дееспособности, а также дифференциация уголовной санкции в зависимости от возраста преступника лежали в этом же русле: изымая несовершеннолетних от общеуголовных санкций, государство через судебные-следственные органы «открывало» детство, внедряя в общественное сознание представление о нем как об особом, отличном от взрослого, периоде жизни.

---

¹⁰⁰ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 10, 30–43, 408–410.

Babkova, Galina. “Voiceless Citizens”: Under-Age Criminals in the Russian Judicial System of 1750–1760-s: Working paper WP19/2012/04 [Text] / G. Babkova ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 32 p. – 150 copies (in Russian)

In the second half of the 18th century there was a fundamental transformation of laws regarding under-age criminals in Russia. With the decree of 16 June, 1765 for the first time in Russian jurisprudence there was a clear cut designation of the age of majority (17) as well as a fixed age of criminal responsibility (10). The system was significantly mollified as were the principles of incarceration as they applied to under-age criminals by exempting them from general criminal sanctions. These tendencies had particular currency against the background of changes taking place in Western Europe in the 17th and 18th centuries in the status of children with regard to families as well as to the whole of society. Through legislation which defined the age of criminal majority and established special principles for imposing punishment on the under-aged, the government “revealed” childhood by inculcating in the public consciousness the idea of it as special period of life separate from adulthood.

Препринт WP19/2012/04
Серия WP19
Исторические исследования

Бабкова Галина Олеговна

**«Безгласные граждане»: малолетние преступники
в судебной системе России 1750–1760-х годов**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,95
Усл. печ. л. 1,86. Заказ № . Изд. № 1529

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»